

Ван Цзюнь равнодушно усмехнулся. Его лицо, на котором редко появлялась улыбка, выглядело в напряженных глазах Чэнь Су зловеще.

— Семья Ван договорилась с неким человеком: тот пообещал сохранить им жизни, а Ваны после всего должны были щедро его отблагодарить. Вот только состояние семьи Ван оказалось больше, чем ожидалось, и они обменяли то, что нельзя было спрятать, на множество передающихся из поколения в поколение древних предметов искусства. Эти бесчисленные сокровища были тайно помещены в сейфы иностранных банков Шанхая. А чтобы ни одна из сторон не присвоила всё себе, они нашли отличный выход: у семьи Ван был единственный сын, у той семьи — единственная дочь, и, хотя дети были ещё малы, не было ничего надёжнее, чем брак по расчёту.

В глазах Ван Цзюня мелькнул нескрываемый сарказм.

— Разве мог избалованный молодой господин, привыкший к шанхайским красоткам, обратить внимание на деревенскую девчонку, которая ещё год назад собирала уголь и не знала и половины иероглифов? Но тут началась Культурная революция, обстановка накалилась куда сильнее, чем ожидалось. В то время происхождение было главным козырем, и молодой господин из семьи Ван, чтобы выжить, начал ухаживать за этой девушкой, а как только им исполнилось по восемнадцать, тут же женился на ней. Пережив те времена, он вернулся в свой любимый Шанхай, полный огней и развлечений, и, когда угроза для жизни миновала, в нём остались лишь уязвлённая гордость и обида.

— После рождения их первого и последнего ребёнка та женщина узнала о красивой столичной любовнице Ван Цзюня, не имевшей официального статуса, и о двух его сыновьях, которых та родила. Оба были на несколько лет старше её сына. В тот момент она своими руками попыталась задушить собственного трёхдневного ребёнка. Медсестра вовремя заметила это и спасла малыша. Семья Ван взяла на себя все расходы и отправила психически неуравновешенную женщину за границу. Однако, связанные общими финансовыми интересами, они не могли развестись. Что же касается ребёнка, то его тайно отправили из дома на третий день после рождения, а по мере взросления давали всё, что он хотел.

Ван Цзюнь усмехнулся, с интересом глядя на Чэнь Су:

— Знаешь, почему семья Ван всё же неплохо к нему относилась?

Чэнь Су не знал, но жуткая улыбка Ван Цзюня пугала его.

— В то время семья Ван боялась, что родственники жены затаят злобу и присвоят всё себе, поэтому они сразу заплатили за сорок лет хранения, разделили ключи, по одному каждой семье, — усмехнулся Ван Цзюнь, — и тайно договорились с иностранным банком, что в будущем, помимо двух ключей, человек, желающий получить доступ к сейфу, должен был предъявить доказательства того, что он является представителем третьего поколения обеих семей, — спокойно пояснил Ван Цзюнь. — Иначе говоря, только мой ребёнок сможет получить всё это состояние. Понял?

Чэнь Су растерянно покачал головой, и Ван Цзюнь терпеливо всё объяснил, хотя это было больше похоже на монолог:

— Забавно, правда? Я родился таким образом — ради общей выгоды, ради денег, — улыбка Ван Цзюня стала шире. — У меня не будет потомства, я ни за что не оставлю после себя эти мерзкие гены.

Ван Цзюнь посмотрел на всё более озадаченного Чэнь Су и усмехнулся:

— Хочешь спросить, какое отношение эта история имеет к тебе?

Чэнь Су тут же напряженно кивнул. Да, какое это имело к нему отношение?

— Поэтому ты пойдёшь со мной, даже в ад ты отправишься вместе со мной, — Ван Цзюнь протянул руку и положил её на грудь Чэнь Су, ощущая его учащённое сердцебиение, и повторил: — Даже в ад я утащу тебя за собой, ты пойдёшь со мной!

Чэнь Су с ужасом смотрел на Ван Цзюня, чья улыбка исчезла, сменившись ледяным выражением лица. Ван Цзюнь говорил серьёзно. Его глаза, в которых пылал безумный огонь, подтверждали это. Он был похож на человека, который нашёл сообщника и был этому несказанно рад. Чэнь Су так и не понял, что Ван Цзюнь имел в виду под своим «поэтому». Но он понял, что невольно оказался втянут в паутину жизни Ван Цзюня, выпутаться из которой было невозможно.

Чэнь Су потерял сознание. Отчасти это было связано с тем, что он расслабился, осознав, что его жизни ничто не угрожает, а отчасти с тем, что слова Ван Цзюня повергли его в отчаяние.

Ван Цзюнь встал с кровати, отодвинул шторы и открыл окно. Свежий воздух ворвался в комнату. На горизонте светлело небо, хотя в последнее время уличные фонари горели день и ночь, словно электричество ничего не стоило, так что трудно было сказать наверняка, занимался ли рассвет.

Ван Цзюнь окинул взглядом пятна на своём теле, потом посмотрел на Чэнь Су, который нелепо лежал на неубранной кровати, раскинув руки. Чэнь Су тоже нужно было помыть. Ван Цзюнь отнёс его в ванную, находившуюся в гостиной, — там было больше места.

Ван Цзюнь не хотел задумываться, почему он притащил сюда Чэнь Су. На то не было никаких причин, да и не нужно было никаких причин! Он просто хотел, чтобы Чэнь Су пошёл с ним, и всё. Если же говорить о причинах, то, возможно, дело было в том, как забавно три месяца назад Чэнь Су в панике пытался залить водой загоревшееся на плите масло, когда готовил в первый раз. А может быть, дело было в том, как забавно он два месяца назад, стирая одежду, чуть не устроил потоп, потому что клевал носом. Или в том, как забавно и неуклюже он в прошлом месяце пришивал пуговицу к рубашке Ван Цзюня, трижды вдевая нитку в иголку и дважды уколовшись, а потом ещё и воспользовавшись кухонным ножом вместо ножниц. А

может быть, дело было в том, как уютно Ван Цзюню было вчера вечером, когда он вернулся домой, а сонный Чэнь Су, уступая ему место, совершенно естественно положил голову ему на грудь. Слушая его ровное дыхание, Ван Цзюнь тогда и решил взять Чэнь Су под своё крыло. Всё просто: так получилось, и всё тут!

Чэнь Су был мужчиной и не мог забеременеть — это было огромным плюсом для Ван Цзюня. Ему нравилась мысль о том, что не придётся избавляться от Чэнь Су.

Чэнь Су, придя в себя после недолгого обморока, закашлялся, захлебнувшись водой. Тело его покачивалось в воде. Не будь воды, он бы ещё долго не очнулся. Открыв глаза, он увидел перед собой нож — острый, блестящий нож! Ван Цзюнь стоял в дверях с ножом в руке. Сердце Чэнь Су сжалось от страха. Мало кто мог спокойно смотреть на нож, тем более что Чэнь Су всё ещё помнил боль от удушья.

«Нет!!!» — отчаянно замотал головой Чэнь Су, но, как ни старался, не мог издать ни звука. Горло сильно болело.

Ван Цзюнь посмотрел на бритву в своей руке. Да, бритва была острой, но не настолько, чтобы так пугать Чэнь Су. На его губах появилась едва заметная улыбка. Он перенёс Чэнь Су в ванную, налил воды, добавил немного ароматического масла, чтобы тот мог расслабиться, а сам отправился бриться в другую ванную. Не успел он начать, как услышал сдавленный кашель Чэнь Су. Ван Цзюнь быстро вернулся и увидел, что Чэнь Су смотрит на него испуганными глазами, не отрывая взгляда от бритвы. Ван Цзюнь, взглянув на бритву, подошёл ближе. Чэнь Су в ужасе заметался.

— Я же сказал, что не причиню тебе вреда. Не бойся, — спокойно произнёс Ван Цзюнь.

Чэнь Су ему не верил. Как бы он ни был близорук, он прекрасно видел недобрый блеск в глазах Ван Цзюня.

— Нет!

Ван Цзюнь был недоволен ответом Чэнь Су. Тот уже не мог плакать, боясь, что Ван Цзюнь разозлится и причинит ему ещё больше боли. Он попытался отодвинуться, но места не было. Конечно, Чэнь Су думал сбежать, но Ван Цзюнь держал его за самое дорогое, и неосторожное движение могло привести к последствиям страшнее смерти.

— Запомни, — произнёс Ван Цзюнь. — Для тебя правильным ответом будет: «Ты мой мужчина!». Запомнил?

<http://bllate.org/book/14261/1261337>